

**КРУЗЕ С. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
КРУЗЕ С. И. — в ГПУ ВЛАДИВОСТОКА
О КРУЗЕ Е. Б. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ПОМПОЛИТ — С. И. КРУЗЕ**

КРУЗЕ Евгений Борисович, родился в 1860 в Усть-Каменогорске. В 1879 — окончил Александровское военное училище, служил в Амурском казачьем войске в Южно-Уссурийском крае, затем в Войсковом Управлении казачьего войска во Владивостоке, в 1900-х — в чине генерал-майора, в 1917 — вышел в отставку. 4 февраля 1932 — арестован, 12 февраля приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в деревню Поздняково под Новосибирском.

КРУЗЕ Серафима Ивановна, родилась в 1850-х. Получила среднее образование. Вышла замуж за Крузе Евгения Борисовича, хорунжия, затем генерал-майора русской императорской армии. После 1917 — проживала с ним в Уссурийске на доходы со сдачи комнат в собственном доме. В феврале 1932 — после осуждения мужа была также отправлена в ссылку в Новосибирск. В апреле переведена с мужем в деревню Поздняково под Новосибирском. В марте 1933 — освобождена из ссылки, но осталась там же с мужем. В феврале 1934 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой¹.

<2 февраля 1934>

«Многоуважаемая гражданка
Е. К.² Пешкова

Извиняюсь, что обращаюсь к Вам, не имея полного вашего имени и отчества.

Слухи о вашей полезной работе на пользу политзаключенных дошли и до нашей отдаленной местности, и я решилась обратиться к Вам и со своим горем. Опишу Вам создавшееся положение.

Жили мы во Владивостоке тридцать лет, имели собственный дом, и муж мой при царской власти служил в Войсковом Правлении Уссурийского Казачьего войска в должности председателя этого Правления в чине генерал-майора (последнее время). Во время февральской революции должность свою сдал выборному председателю, вышел в отставку и больше не принимал никакого участия в государственных делах, ограничиваясь ужением рыбы в бухте "Золотой Рог" для своих личных потребностей и для потребностей своей семьи. Дом давал нам доход небольшой; жили мы скромно; налоги за дом все уплачены до 1932 г<ода>. В начале 1932 г<ода> (17 января) у нас был назначен обыск, мужа моего арестовали. При обыске мной были сданы 713 долларов (бумажных), деньги, которые я получала от сына из Соединенных Штатов Америки. 14-го февраля 1932 г<ода> мне лично было заявлено от ГПУ, что муж мой высылается этапом, осужден на 3 года высылки, имущество конфисковано, и я должна 14-го февраля выехать из Владивостока в Новосибирск, куда прибудет и мой муж; выехать должна на свой счет, на сборы дано было три дня, а из конфискованного имущества, замкнутого в комнате, не разрешили взять даже сапоги мужа-старика, сапоги, которые муж ценил, как разношенную обувь, это была чувствительная обида. Мне дали отрывной листок из блокнота ГПУ о предоставлении билета в поезд на 14-е ян<варя> 1932 г<ода>. Никакой формальности с конфискацией имущества не было, и я напрасно ждала все три дня кого-нибудь, чтобы сдать документы мужа, домовую книгу и расчеты по дому, так и оставила

¹ Исправлены ошибки согласно правилам современной орфографии.

² Неправильное отчество Екатерины Павловны Пешковой.

все на столе. Из Владивостока я выехала 14-го фев<раля> 1932 г<ода>. в Новосибирск, имея на дорогу очень ограниченное количество денег, а из Новосибирска нас направили в Томск и там поместили в распределительный лагерь, и дальше отправили в деревню Поздняково, куда мы и приехали 7-го апр<еля> вместе с мужем. За это время мы натерпелись очень много: в лагерях я пробыла 4 недели вместо обязательных двух (2 недели лишних из-за карантина), деньги вышли, и у меня, и у мужа, я захворала — простудилась и еле говорила шепотом. Кое-как успела получить телеграфный перевод от родных в последний день отправки в деревню. Ехали в самую распутицу, тащась на санях по грязи. В марте 1933 г<ода> меня освободили "за окончанием срока высылки", а мой муж остается адм<инистративно> ссыльным и до настоящего времени, хотя и был свободен на 10 дней декабря, но в числе прочих "инвалидов" получил обратно свой документ адм<инистративно> ссыльного с пометкой красным карандашом — "своб<оден>" и с "льготой" — являться в сельсовет лишь раз в месяц вместо прежних обязательных 3-х явок. Во всяком случае это дает надежду на то, что вскоре и он будет окончательно свободен и получит право выехать из Поздняково в город. Здесь мы имеем бесплатный угол в хате крестьянина и, как могли, приспособились к деревенской жизни, которая, конечно, дешевле городской, но дальше мы должны будем выбирать новое местожительство. Вот тут и является вопрос о средствах существования. Прилагаю копию своего прошения во Владивостокский Оперативный Сектор ГПУ от 22/III 32 г<ода>. Это было послано с копией в Хабаровск Краевому Прокурору. Кроме того, 23/III за № 25/151 ценностью 350 р<ублей>, как ценное отправление из Томска, было послано Начальнику Оперативного Сектора все конверты и сохранившиеся расписки по получению и расходованию валюты. Ответа никакого не получила я до настоящего времени, между тем вопрос о средствах существования теперь для нас важнее чем, когда бы то ни было. Годы высылки мы жили помощью детей, родных и даже добрых знакомых, официально иждивенцами мы не числились, как лишенцы, а на получение избирательных прав мы не можем рассчитывать и в дальнейшем: муж, как бывший офицер и домовладелец, а я, как жена лишенца. Тянуть с других средства существования для нас очень тяжело, потому что всю жизнь жили на собственные средства, никого не обременяя собой. Так что остается только надежда на возвращение валюты или ее стоимости по курсу советскими деньгами, как моего сбережения "на черный день". Дом наш, результат двадцатилетней скромной нашей жизни и ограничений себя во многом, уже продан освободиться от звания лишенец и куда обратиться. И им мы дорожили, как спокойным углом под старость. Валюта была получена легально, высылалась с определенной целью — избавить от нужды, сбережена на крайний случай, сдана добровольно и законным властям, сумма отмечена в протоколе обыска, а теперь она нам крайне нужна. Вот я и прошу Вас оказать мне содействие в ее возвращении.

Кроме того, благоволите ответить мне на нижеследующие вопросы:

1) Можем ли мы быть иждивенцами наших детей, оставаясь лишенцами.

2) Можем ли мы хлопотать и надеяться освободиться от звания лишенец и куда обратиться.

На ответ прилагаю открытку и марок на 50 коп<еек>, прошу уведомить о получении этого письма, за что буду очень благодарна.

С. Крузе.

2-го февр<аля> 1934 г<ода>.

Адрес: Зап<адно>-Сиб<ирский> край. Дер<евня> Поздняково, Кожевниковского района, Поздняковский с<ельский> с<овет>. Серафиме Ивановне Крузе.

Приложения:

- 1) Копия с заявления Коменданту ГПУ в г<ород> Владивосток.
- 2) Автобиография мужа, составленная им самим.
- 3) Открытка и на 50 к<опеек> марок на ответ»³.

К письму Серафимы Ивановны Крузе была приложена копия заявления коменданту ОГПУ Владивостока.

«Копия

Коменданту ОГПУ г<орода> Владивостока

На основании ордера Начальника Владивост<окского> Опер<ативного> Сектора ОГПУ за № 145 от 16-го янв<аря> 1932 г<ода> произведен обыск у гр<ажданина> Крузе Евгения Борисовича. Сам он был арестован, и одна комната опечатана. При обыске, между прочим, было взято для доставки во Влад<ивостокский>. Опер<ативный> Сек<тор> семьсот тринадцать американских долларов. Устно во время обыска было заявлено, что доллары получались мной (женой арестованного), как помощь от сына, получались из Америки вполне легально через Госбанк и почту. В доказательство я имела конверты и расписки на израсходованные доллары и представила их при обыске, но пожелала оставить их у себя на руках, что и было мне разрешено.

Все доллары были выданы мной до начала обыска вполне добровольно. Значительность суммы собранных долларов объясняется тем, что получала я их несколько лет некрупными суммами, не больше 30 дол<ларов> за один раз. Количество переводимых долларов зависело от количества заработка моего сына и прекращалось на один год (когда он учился, кончал университет в Детройте) и во время его безработицы, остальное время он переводил аккуратно по 15, 20, 25 ежемесячно. Не имея острой нужды и помня, что эта помощь слишком отдаленная, и нуждаясь временно в довольно крупных суммах (уплата налогов, покупка какой-нибудь одежды и пр<очее>), я берегла доллары "на черный день". Сберегать доллары не обмененными мне было легче, меньше соблазна, не имела права что-нибудь на них купить.

Теперь "черный день" настал: с конфискацией имущества, с заключением в Дом заключения моего кормильца, с моим собственным отъездом, поглотившим буквально все наши средства. С конфискацией имущества, еще не оконченного до настоящего времени, я и мой муж-старик находимся в крайне затруднительном положении. Угла своего мы лишились, средств к существованию не имеем, работать не в силах, продавать нечего. Спекуляции с валютой не было <...>»⁴.

К письму Серафимы Ивановны Крузе была приложена "Автобиография", написанная Евгением Борисовичем Крузе.

«Автобиография

В 1880 году, увлеченный романами Майн Рида и других писателей-натуралистов, имея за плечами 19 лет, по выпуске из Александровского военного училища в чине хорунжего Амурского казачьего войска, я

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 142-144. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 145-146. Автограф.

отправился на Дальний Восток в качестве пионера, чтобы принять участие в заселении пустынного в то время Южно-Уссурийского Края, где и остался служить и трудиться по мере сил на пользу почти подневольного казачьего населения в течение около 40-а лет. Сначала в строю в качестве *Начальника* учебной команды и инструктора по употреблению введенной на вооружение винтовки Бердана, а затем в Управлении вновь образованного Уссурийского Казачьего войска, преобразованного в Войсковое Правление коллегиального состава, ведавшее хозяйственно-культурной жизнью казачьего населения.

Состоя из председателя, двух советников и нескольких специалистов, оно работала как будто бы неплохо, образовав к 1917 году миллионный войсковой капитал, дав населению вместо 6-ти школ более 60-ти, поставив врачебную и ветеринарную части, раньше почти совершенно отсутствовавшие, облегчив непосильное бремя населения по отбыванию им военной повинности с высылкой сыновей в строй на собственном коне, имея все снаряжение, обмундирование и шашки собственные в то время, как рядом стоящие крестьяне были совершенно свободны от призыва.

Эта несправедливость смягчена была несколько соответственными мерами, благодаря ходатайству войскового начальства, изложенному в моем докладе на Хабаровском Краевом съезде казачьего войскового начальства.

Однако по заслугам это впоследствии оценено не было. Наоборот, самовольно покинувшие боевой фронт казаки, руководимые молодыми офицерами новой формации, подчас чуждыми войску, признали прежний состав войскового начальства "старорежимным" и попросту разогнали его, посадив на место Наказного Атамана и председателя Войскового Правления, как это ни странно, двух начальников участков полицейского стажа. Один из них даже кулацкой складки, в свое время принужденный уйти со службы, так как занимался больше своей паровой мукомольной мельницей, чем службой войсковой. При новом режиме он получил высший в войске пост Наказного Атамана, продержавшись на нем, впрочем, очень недолго (помнится, недели две), переуступив его более умелому товарищу (новому председателю), добившемуся, в свою очередь, при "самостийности" войска самого высшего положения Войскового Наказного Атамана (должности архигенеральской). Этот обновленный состав, однако, просуществовал, под давлением, с одной стороны, новоявленного контрреволюционного атамана Калмыкова, угробившего в короткий срок 4-х офицеров из состава войскового управления за революционные настроения, и, с другой стороны, большевиков, обнаруживших в войске тенденцию правительства Керенского, вроде продолжения войны до победного конца.

И так войсковое начальство расплылось, частью за границей, частью оставшись в крае не у дел. Я, бывший председатель войскового правления, подал прошение об увольнении со службы и получил отставку с приличной пенсией, но не получил из нее ни копейки, так как, по большевистской оценке, служил не войску, а царскому правительству.

И вот теперь я, 73-х летний больной инвалид с престарелой верной подругой моей, не оставившей меня, несмотря на предоставленную ей свободу, влачим жалкую участь изгнанников, ютятся в отведенном углу крестьянской избы. Живем на средства бедной нашей дочери, добываемые тяжелым трудом в ущерб здоровью и интересам ее собственной семьи. Получали так же небольшую помощь от сына, гражданина США, но кризис, постигший эту страну, обезоружил его самого, как безработного с семьей на руках в 4 человека.

Кстати, почему он оказался в Америке, вместо того чтобы работать на своей родине? Да, тоже помешало клеймо "бывший офицер", как чуждый

элемент он был выброшен из Д<альне>-В<осточного> Университета накануне окончания и уехал получать диплом инженера в Соед<иненные> Штаты, где, по-видимому, теперь считается не плохим работником. А досталось это ему не легко и не скоро, т<ак> к<ак> уехал он без знания языка и без средств. То и другое сначала нужно было приобрести. Вот каких людей с легким сердцем близорукие (не слепые ли?) политики выбрасывали за борт, а между тем, и в офицеры он был произведен за боевые заслуги на Германском фронте, работая в качестве летчика-наблюдателя. Был ранен при падении самолета. хотя сохранил полную трудоспособность.

На этом кончаю эту грустную и тяжелую, скучную писанину в некоторой надежде, что она может послужить высшей прокуратуре в оценке деятельности некоторых органов, привыкших стрелять из пушек по воробьям и давить неповинных ни в чем божьих коровок.

2/II-1934 г<ода>.

Е. Крузе.

Д<еревня> Поздняково того же сельсовета Кожевниковского района Зап<адно->Сиб<ирского> края»⁵.

В марте 1934 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Серафиме Ивановне Крузе.

<29 марта 1934>

«С. И. Крузе

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что с ходатайством о возвращении Вам взятых при обыске долларов сов<етскими> знаками Вам надо обратиться непосредственно в ГПУ по месту ареста. О восстановлении в избир<ательных> правах также надо хлопотать непосредственно в ЦИК'е. Для ходатайства о досрочном освобождении по старости и инвалидности Вы можете прислать нам не длинное заявление на имя ОГПУ с приложением справки об инвалидности, либо на родных, что они берут вас на иждивение»⁶.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 148-149. Автограф

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1131. С. 151. Машинопись.